

Глава 32. Ясный свет луны (Часть VIII)

Люди из Чистого терема и Призрачного чертога, укрывавшиеся за спинами воинов Башни Сокровенного Неба, ошеломленно наблюдали, как Дворец Управляющей пустоты внезапно перешел в наступление. Вмиг стало ясно: эти стервятники решили разыграть старую карту — пока хищники рвут друг другу глотки, забрать всю добычу себе. К несчастью, застигнутые врасплох бойцы не успели изготовиться к обороне. Воины метались в панике, пытаясь укрыться от смертоносного града. Стрелы, смазанные мгновенно действующим ядом, находили свои жертвы в доли секунды. Те, кто не успел увернуться, падали замертво там же, где стояли.

Девы Чистого терема, славившиеся своей быстротой, среагировали первыми, обрушив на врагов ответный удар.

— Подлые твари! — иступленно взревел Ло Сюфань, побелев от ярости. — Ничтожные трусы!

Цзян Лошэнь в ответ лишь громко расхохотался:

— О, многоуважаемый старейшина! Так покажите же нам пример истинного благородства!

Едва смолкли их выкрики, как лучшие мастера Чистого терема ринулись в самую гущу боя. Башня Сокровенного Неба и Павильон Без пыли уже сошлись в яростной рукопашной, пока Дворец Управляющей пустоты продолжал осыпать поле брани ядовитыми стрелами с тыла. Только теперь лекари из Поместья Изумрудных облаков окончательно осознали: это не просто стычка, а полномасштабная резня. Лань Мулинь, не теряя драгоценных секунд, схватил за рукава ближайших учеников, намереваясь увести их прочь, а заодно прихватить и Нань Цяньсы. Но стоило ему обернуться, как он обнаружил, что юноши и след простыл.

Раздумывать было некогда. Пользуясь тем, что в негласном кодексе Поднебесной лекарей Поместья Изумрудных облаков без веской причины трогать запрещалось, Лань Мулинь увлек за собой учеников, спешно прорываясь к спуску с горы.

"Пусть себе дерутся, — лихорадочно размышлял он на бегу. — Силой мы обделены, так неужели и сбежать права не имеем? К тому же, если не убраться отсюда прямо сейчас, потом придется до скончания веков разгребать эти горы трупов"

Однако один из бежавших следом учеников вдруг закричал во весь голос, пытаясь перекрыть гул сражения:

— Шисюн, молодой господин Нань только что искал вас!

— Что ты сказал? — переспросил Лань Мулинь.

Из-за грохота оружия и предсмертных криков он едва разбирал слова, но в груди уже

шевелинулось дурное предчувствие.

— Шисюн! — надрывая связки, повторил ученик. — Юный господин Нань искал вас!

Лань Мулинь резко замер. Он ведь все это время оставался на одном месте — куда же Нань Цяньсы пошел его искать?

С его остановкой остановились и остальные ученики. Они уже добрались до склона горы Семи помостов, и до спасительного подножия оставалось рукой подать. Из всех присутствующих бегством спасались лишь лекари Поместья Изумрудных облаков — все остальные ожесточенно бились там, наверху.

— Шисюн, нужно ли нам вернуться и увести молодого господина Наня? — неуверенно спросил ученик.

Лань Мулиня охватила тревога. Нань Цяньсы искал счета лишь с У Жунянем, дела Шести великих школ его совершенно не касались, и влезать в эту свару ему не следовало. Но теперь, когда разгорелась столь масштабная бойня, шальная сталь не пощадит никого.

Поколебавшись мгновение, Лань Мулинь принял решение. Он резко развернулся обратно к вершине:

— Возвращаемся. Мы должны его найти.

Гора Семи помостов

Вершина горы Семи помостов превратилась в сущий ад. Воздух застилал едкий дым, сквозь который едва угадывались очертания дерущихся. Мелькали лишь ослепительные отсветы клинков да множились на земле окровавленные тела, среди которых Лань Мулинь то и дело с содроганием узнавал знакомые лица. На окраине поля боя адепты Поместья Изумрудных облаков уже пытались перевязывать раненых. Лань Мулинь растерянно огляделся. Различить среди этого безумия Нань Цяньсы, одетого в безликое серое одеяние, было почти невыполнимой задачей. Он долго всматривался в круговорот смерти, но серого силуэта нигде не было видно.

Вдруг один из учеников радостно указал рукой в сторону:

— Шисюн, глядите! Это не молодой господин Нань?

Лань Мулинь проследил за его жестом. На западном краю поляны действительно неподвижно

лежал человек в сером халате.

— Я сам, — бросил Лань Мулинь. — Ждите здесь.

Ученики согласно кивнули. Лань Мулинь двинулся вперед. Сунуться напрямик означало верную гибель, поэтому он сделал крюк, аккуратно огибая сражающихся бойцов Павильона Без пыли, и проскользнул к западной окраине. Но когда он приблизился и взгляделся в лицо лежащего, то замер в разочаровании.

Это был совершенно незнакомый человек.

Лань Мулинь снова завертел головой, лихорадочно высматривая Нань Цяньсы в толпе, но мешанина из сотен тел скрывала юношу. Тревога переросла в панику. Звать его по имени было слишком опасно — это могло привлечь внимание воинов из Башни Сокровенного Неба. Отбросив колебания, Лань Мулинь выхватил меч из ослабевших пальцев мертвеца и бросился в самую гущу схватки.

Хотя Лань Мулинь славился в первую очередь врачебным искусством, владеть оружием он умел превосходно. В Поднебесной существовало негласное правило — не проливать кровь лекарей без крайней нужды, но безумцев и подлецов хватало везде. Не умей он постоять за себя, давно бы сгинул на разбитых дорогах.

Он прекрасно понимал, что сегодня на горе сошлись сильнейшие мастера орденов. И если он не прорвется к самому центру этого безумия, то никогда не найдет Нань Цяньсы — с его-то незаурядным мастерством тот наверняка бился в самом пекле, а не отсиживался на задворках.

Его некогда безупречно белое одеяние покрылось брызгами чужой крови, напоминая теперь аляповатое цветочное платье деревенской девчонки. Выгадав секунду, Лань Мулинь смахнул липкую влагу с лица и наконец смог разглядеть, что творится в самом эпицентре сражения.

Тому, что происходило там, было лишь одно название — бойня.

Обезумевшие от запаха крови воины разили без разбора. Лишь контрастные одежды помогали им не перебить своих: адепты Павильона Без пыли в черном рубили каждого, кто носил белые халаты Башни Сокровенного Неба, и наоборот. За исключением замаскированных убийц из Дворца Управляющей пустоты, скрывавших лица под вуалями, все остальные смешались в единый, беспорядочно ревущий клубок.

Люди дрались прямо на телах павших. Они наступали на еще теплые трупы своих вчерашних товарищей, словно под их ногами была обычная грязь, а не человеческая плоть. Лань Мулинь видел их пустые, остекленевшие глаза, в которых не осталось ничего человеческого. Эта война не была спором двоих — наружу вырвалась застарелая, копившаяся десятилетиями ненависть великих сект. И все, кто оказался сегодня здесь, были лишь разменными монетами в их страшной игре.

Лишение жизни пьянило их, даруя извращенную власть, не сравнимую ни с чем иным. Те, кто мнил себя вершителями чужих судеб, взирали на остальных как на жалких насекомых. Растапывая чужую гордость и жизни, эти упивавшиеся кровью мясники, гордо именовавшие себя героями, находили в убийстве неописуемое наслаждение. Если в их очерстневших душах когда-то и теплились крупцы благородства, они давным-давно сгорели в пламени войны.

Наконец взгляд Лань Муляня выхватил из хаоса серое одеяние. Это был Нань Цяньсы. Меч Одинокого облака в его руке сиял ослепительным серебром. Клинок двигался с такой нечеловеческой быстротой, что враги вокруг падали один за другим, не успевая даже вскрикнуть. На место поверженных лавиной катились новые, но юноша один стоил десятых. Казалось, он видит спиной: каждое его движение было выверено, каждый выпад приносил смерть. Посреди вихря пыли и крови он прокладывал себе дорогу с неумолимостью стихии.

Слухи не лгали — его мастерство было воистину безграничным!

— Нань Цяньсы! — во весь голос закричал Лань Мулянь.

Голос потонул в грохоте сражения. Лань Мулянь набрал в грудь воздуха и крикнул еще раз, вложив в этот крик все свои силы. На этот раз юноша услышал. Он стремительно обернулся на зов, и в этот краткий миг его безупречная защита дала сбой.

Один из нападавших мгновенно воспользовался заминкой и ринулся вперед, целясь острием клинка юноше в спину. Лань Мулянь вздрогнул; он наотмашь швырнул свой меч, пытаясь сбить удар врага, но противник ловко увернулся. Нань Цяньсы успел заметить угрозу и резко развернулся для контратаки, но было поздно. Чужая сталь глубоко вошла ему в живот. Брызнула алая кровь.

Добившись своего, нападавший резко выдернул клинок и мгновенно растворился в толпе. По характерным одеждам Лань Мулянь успел опознать в нем бойца Павильона Без пыли.

Забыв обо всем на свете, Лань Мулянь бросился к раненому. Нань Цяньсы осел на землю, зажимая руками рану на животе и скорчившись от невыносимой боли. Заметив легкую добычу, к нему уже спешили несколько мародеров. В отчаянии Лань Мулянь подхватил выпавший из рук юноши Меч Одинокого облака, рывком закинул раненого себе на спину и изо всех сил припустил прочь.

Он мчался, не разбирая дороги. Одурманенные бойней воины уже не обращали внимания на то, что перед ними лекарь — они слепо бросались наперерез с обнаженным оружием. Лань Мулянь одной рукой удерживал обмякшее тело Нань Цяньсы, а другой бешено отмахивался трофейным клинком, прорубая дорогу сквозь частокол вражеских мечей.

— Держись крепче! — яростно прохрипел он раненому.

Нань Цяньсы сквозь полузабытье видел, как некогда чистый белый халат Лань Муляня

стремительно пропитывается его собственной горячей кровью. Он попытался что-то сказать, но боль не дала ему вымолвить ни слова. Стиснув зубы, он лишь крепче обхватил шею спасителя слабеющими руками и едва слышно прошептал:

— Молодой господин Лань... куда мы...

Лань Мулинь было не до разговоров. Ему приходилось ежесекундно уворачиваться от лобовых атак и одновременно следить за погоней — они прорывались буквально из пасти тигра. Словно назло, дорогу им преградила воительница из Чистого терема. В лицо им веером полетели смертоносные иглы. Не имея возможности разглядеть снаряды в пыли, Лань Мулинь наугад оттолкнулся от земли и взмыл в воздух в отчаянном прыжке.

Нань Цяньсы на его спине хрипло и тяжело дышал, едва не соскальзывая при каждом толчке. Рана в животе кровоточила все сильнее, силы стремительно покидали его. Он из последних сил цеплялся за плечи лекаря, чувствуя, что сознание вот-вот угаснет.

Но Лань Мулинь, не обращая внимания на тяжесть, упрямо рвался вперед, совершая прыжок за прыжком. Когда враги почти настигли их, он в последний момент выхватил из-за пазухи горсть каких-то лечебных порошков и швырнул их назад, создавая плотное облако едкой пыли. Ослепив преследователей, он рванулся изо всех сил и скрылся в лесной чаще.

Вырваться живыми из этой мясорубки на вершине горы Семи помостов было настоящим чудом. Заметив запыленного, испачканного в крови Лань Мулиня с раненым на плечах, ожидавшие внизу ученики тут же бросились навстречу:

— Шисюн! Как вы? Все в порядке?

Находящийся на грани обморока Нань Цяньсы при этих словах лишь горько усмехнулся. Ему казалось, что любой мало-мальски зрячий человек по одному только его искаженному болью лицу мог бы догадаться: дела хуже некуда.

Тяжело отдуваясь, Лань Мулинь бережно опустил юношу на траву:

— Молодой господин Нань тяжело ранен. Нужно срочно подыскать безопасное место и обработать рану.

Только теперь ученики разглядели страшную рану на животе юноши — кровь успела пропитать даже спину халата их старшего брата. Раздался испуганный шепот, лекари тут же обступили раненого.

Смахнув со лба пот и грязь, Лань Мулинь опустился на колени:

— Потерпи, сейчас я остановлю кровь.

Нань Цяньсы едва заметно кивнул. Лань Мулинь, споро накладывая повязку, проворчал с затаенной тревогой и легким укором:

— И зачем тебя туда понесло? Ты ведь даже не знаком с этими людьми! Мы едва не сложили там головы из-за твоего безрассудства.

Юноша не нашел сил для ответа и лишь слабо, виновато улыбнулся. Меч Одинокого облака лежал на траве рядом с ним — истерзанный воин и его грозный клинок являли собой довольно жалкое зрелище.

— Но почему вы не спустились вместе с шисюном в самый первый раз? — недоуменно спросил один из учеников.

Нань Цяньсы посмотрел на Лань Мулия. На этот раз в его взгляде не было привычной робости. Преодолевая слабость, он крепко сжал руку лекаря, накладывавшего повязку, и едва слышно выдохнул:

— Бесполезно... Я отравлен.

Лань Мулинь на миг замер. Нахмурившись, он осторожно высвободил руку и продолжил прерванное дело. Когда с перевязкой наконец было покончено, он внимательно осмотрел рану. Его взгляд посуровел.

— Это не яд, — тихо, но твердо произнес он. — Это паразит. Из тех, что используют в искусстве ядовитых насекомых.

— Что?! — ахнул ученик. — Какой еще паразит?

— Кровавый паразит, — Лань Мулинь помог юноше сесть, в его взгляде мелькнуло волнение. — Нам нужно спешить. Мы отправляемся в одно место.

— Но разве тайное искусство ядовитых насекомых подвластно кому-то, кроме мастеров Призрачного чертога? — растерялся ученик.

Лань Мулинь покачал головой:

— Кровавый паразит — случай особый. Его нельзя просто извлечь. Спасти его может только смена крови.

— Смена крови? — опешил ученик. — Но как это сделать?

Лань Мулинь вновь бережно закинул Нань Цяньсы себе на спину:

— Придется выпустить всю его отравленную кровь до последней капли, а затем перелить чистую.

— Но ведь если выпустить всю кровь, человек умрет! — воскликнул другой ученик.

— Верно, — кивнул Лань Мулинь. — Именно поэтому нам нужен один человек. Только он способен на такое чудо.

Ученики недоуменно переглянулись. Замысел старшего брата казался им безумием.

Отряд поспешил в путь. Ученики Поместья Изумрудных облаков были сведущи во многих науках, но искусства ядовитых насекомых, которым славился Призрачный чертог, все остальные школы сторонились как огня. Каждому было известно: если в тебя подсадили паразита — пиши пропало. Постичь тонкости этой темной магии дано лишь единицам; даже одаренным практикам требуются десятилетия упорного труда, чтобы разгадать хотя бы малую долю ее тайн. И во всей Поднебесной существовал лишь один человек, чей гений превзошел мастеров самого Призрачного чертога — великий мастер противоядий и непревзойденный знаток гу, Хо Пиншэн.

С юных лет Хо Пиншэн не брезговал запретными знаниями и еретическими методами. Не сдерживаемый никакими рамками приличий, он достиг на этом поприще невероятных высот. В вопросах изгнания и подчинения паразитов ему не было равных, и даже старейшины Призрачного чертога были вынуждены признать его превосходство.

Нань Цяньсы немного пришел в себя. Ему стало неловко от того, что его бережно несут на спине, и он тихо заговорил:

— На самом деле... я сначала просто шел за тобой. Но потом увидел, что к вам прорываются враги, и решил принять удар на себя.

— И зачем тогда полез в самую гущу? — глухо отозвался Лань Мулинь, не сбавляя шага.

— Эти безумцы навалились скопом... Стоило обнажить меч, и меня просто затянуло в водоворот. К тому же, когда ты бросился за мной... я подумал: если уж нам суждено умереть, то пусть мы погибнем вместе. Это не так страшно.

Лань Мулинь на мгновение опешил. Он и представить не мог, что в голове этого юноши могут рождаться подобные мысли.

Нань Цяньсы смолк — силы окончательно оставили его. Кровавый паразит неумолимо делал свое черное дело. Стоило этой твари укорениться в теле, как она принималась медленно

высасывать кровь носителя, разбухая изнутри и пожирая плоть. Но покинуть тело хозяина паразит не мог, а потому оставлял жертве ровно столько жизни, чтобы хватало на последний, мучительный вздох. Тот, кто стал сосудом для кровавого паразита, обрекался на медленное увядание между жизнью и смертью.

Секретное искусство ядовитых насекомых, коим владел Призрачный чертог, в Поместье Изумрудных облаков испокон веков считалось коварным и бесчестным. Мало кто в Поднебесной рисковал практиковать его. Призрачный чертог, хоть и примыкал к Башне Сокровенного Неба, редко совершал злодеяния по собственной воле — искусство ядовитых насекомых служило им лишь защитой. Очевидно, adeпты Призрачного чертога приняли Нань Цяньсы за пособника Павильона Без пыли и нанесли упреждающий удар.

Покинув пределы горы Семи помостов, путники устремились вперед. Один из учеников Поместья Изумрудных облаков, глядя на проступавшие в туманной дали очертания величественных вершин, негромко спросил:

— Шисюн, куда мы держим путь? Что это за горы впереди?

Лань Мулинь бережнее перехватил слабеющего Нань Цяньсы, чье дыхание становилось все более прерывистым, и ответил:

— Гора Девяти светил.

<http://bllate.org/book/18255/1760742>